

Л.В. СКВОРЦОВ
О «ПРИРОДЕ» СЕМЬИ
(Предисловие)

Очередной выпуск ежегодника посвящен **проблеме семьи**. Может показаться, что в современной ситуации было бы более корректно говорить о проблемах «семейного плюрализма», имея в виду тот факт, что в публичных обсуждениях и телевизионных передачах, по сути дела, ставится под вопрос легитимность традиционного представления о **единственности** сущности семьи как союза представителей различных полов – мужчины и женщины. Если, однако, под «семьей» понимают все многообразие сексуальных союзов, в том числе мужчины с мужчиной и женщины с женщиной, то семья отрывается от своего естественного и цивилизационного предназначения. Она тем самым становится «пустоцветом», а межличностные отношения в ней обретают самодовлеющее значение, становятся целью в себе. Как символ всеобщего явления такая «семья» превращается в знак смерти человеческого рода. А это означает, что мы имеем дело с **псевдосемьей**, причины возникновения которой и ее функции требуют специального рассмотрения.

Если предназначение семьи в ее естественном цивилизационном смысле состоит в рождении ребенка и его формировании как члена определенного социума, то тогда сущность проблемы семьи состоит в определении путей ее сохранения и укрепления как ключевого фактора социального порядка.

И вполне естественно, что если метаморфозы семьи угрожают возможности выживания этноса, то проблема семьи становится **государственной**. Государство без населения – это нонсенс, бесмысленное представление, мираж. Понятно, что когда наблюдается резкое падение численности населения, государство определяет **причины** такого падения и принимает экстренные меры, чтобы предотвратить опасность своего собственного «отмирания».

Воздействие государства на жизнь семьи может обретать самые различные формы, подчас затрагивая представления об абсолютном характере внутренней свободы внутрисемейных отношений. Это, например, запрещение абортов или, напротив, искусственные ограничения численности детей в одной семье.

Понимание государством условий выживания и принцип свободы, неприкосновенности внутренней жизни семьи могут вступать в очевидное противоречие друг с другом. Разумеется, государственная политика может быть направлена на такие аспекты жизни семьи, которые влияют на ее главную функцию, но не нарушают регулятивов свободы. Это – лежащие на поверхности и понятные всем причины эрозии семейных отношений, такие, как уровень жизни ниже прожиточного минимума, нерешенность жилищной проблемы, проблема безработицы и т.д. Для их решения разрабатываются национальные проекты. Если их реализация совпадает с повышением уровня рождаемости, то представляется очевидным наступление момента истины: истина понимания жизни семьи проста, а эта жизнь вполне управляема, если для этого имеются достаточные финансовые и технические средства. Вряд ли есть смысл оспаривать это полезное практическое представление. Однако научное рассмотрение проблемы семьи требует более углубленного анализа. Дело в том, что кажущаяся очевидной практическая истина обнаруживает свою относительность. Она проходит мимо известных фактов высокой рождаемости в странах с низким уровнем жизни и низким уровнем рождаемости в странах с высоким уровнем жизни.

Существуют неуловимые для позитивистской методологии причины различных тенденций в эволюции семьи, которые выходят за пределы внешних эмпирических (экономических, политических, расовых, физиологических) факторов, влияющих на внутрисемейные отношения. Именно на таких причинах акцентируют внимание традиционные религиозные подходы к формированию семейных отношений.

Но эти подходы казались противоречащими доминирующей научной ментальности с ее точной фиксацией причин и вытекающих из них следствий и точными количественными расчетами. В ежегоднике представлены теоретические статьи, которые имплицитно сталкивают друг с другом противоположные точки зрения.

Одну из них представляют позиции В.В. Розанова, которые анализирует И.С. Андреева.

Как известно, В.В. Розанов искал ответы на проблемы земных внутрисемейных отношений, остро вставших на переломе XIX и XX вв., на путях «модернизации» христианства, использования духовного потенциала иных религиозных конфессий. Особое его внимание привлекали опыт иудаизма, позиции, зафиксированные в текстах Ветхого Завета.

Речь шла о выявлении тех «тонких» материй, которые делают земную семью «подлинной», цементируют ее. И это – проблема ключевая. Как оказывается, все многообразие сложных семейных проблем в конечном счете упирается в одну проблему – проблему прочности семьи как следствия ее подлинности. Непрочная семья рождает феномен «безотцовщины», а значит, и неполноценности воспитания рождающихся детей. Сегодня эти проблемы все шире распространяются и на поведение матери по отношению к своему ребенку. Это – начало тотального кризиса семейных отношений. Рост количества разводов делает феномен «неполной» семьи **массовы**м со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вступающие во «взрослую жизнь» новые поколения будут с самого начала нести с собой проблему неадекватности своего гражданского поведения.

С проблемой «прочности» семьи органически связана и проблема экономической обеспеченности семейной жизни не только здесь и теперь, но и в перспективе смены поколений в рамках данного рода.

Конечно, нельзя не видеть, что проблема экономической обеспеченности как соединяет членов семьи, так и разъединяет их, порождая противоречия и даже глубокие антагонизмы. Это связано с правом наследования, которое, как правило, действует избирательно.

В социальной ситуации, когда скрытый антагонизм внутрисемейных отношений шаг за шагом обретает всеобщий характер, возникают его метафизические и психологические объяснения. Выражением такого рода объяснений, претендующих на научность, стал фрейдизм, который увидел в подсознательных влечениях, в эдиповом комплексе разгадки скрытых внутрисемейных противоречий. Непрочность семьи здесь как бы задана с самого начала «природой» отношений ребенка с отцом и матерью. И это вызывает серьезные сомнения, попытки разрешить которые были предприняты теоретиками неофрейдизма.

Процессы глобализации рождают новый срез проблем «прочности» семьи. Феномен «мультикультурализма», соприкосновения на территории одного государства различных культурных

и семейных традиций, неизбежно затрагивает и семейные отношения. Все более широкое распространение «смешанных» браков ставит семью перед всей совокупностью непростых проблем конфессиональных, бытовых и языковых различий. То, что раньше служило фактором, соединяющим в единое целое мужчину и женщину, их детей и родственников, теперь становится источником скрытого постоянно действующего антагонизма.

Именно в этой ситуации со всей очевидностью обнажается теоретический вопрос: что превращает семью в единое целое, так сказать, «поверх» всей совокупности эмпирически фиксируемых различий и противоречий? Очевидно, что стандартные подходы здесь могут завести в тупик. Этим во многом объясняется пристальное внимание к идеям, которые в свое время высказывали такие философы, как В.В. Розанов. Эти идеи с течением времени обретают все большую актуальность. Речь идет о рациональном истолковании той «субстанции», которая составляет сверхъестественное основание семьи, соединяющее в единое целое различное и противоположное.

Однако сегодня обострился и другой, а именно – естественный аспект жизни семьи, связанный с зачатием и рождением ребенка, сохранением здоровья, всесторонним совершенствованием – физическим и духовным – человека. Эти вопросы нельзя решать, опираясь лишь на традиции духовных конфессий. Здесь вступают в силу новые физиологические, медицинские, генетические знания.

Современное сознание исходит из приоритета **научного знания** как того пути строительства семьи, который ведет нас к действительной истине. Этот аспект проблемы содержательно рассматривается в статье О.В. Летова. И здесь возникает своеобразный парадокс: научное знание, казалось, преодолевающее мифологию религии и философии, «упирается» именно в собственную неспособность дать убедительный ответ на те вопросы, которые находили свое разрешение именно в религии и философии. Например, можно ли признать в качестве абсолютного принципа «репродуктивной свободы»? Медицина открывает и создает возможности осуществления абортов в соответствии с желанием женщины. Но при этом возникает вопрос: не является ли аборт запланированным убийством человека?

Аналогичным образом медицина, открывая безболезненные механизмы эвтаназии, может казаться спасительной человеку, испытывающему такие мучения, от которых он хотел бы избавиться, приняв смерть. Но не означает ли легитимация эвтаназии наруше-

ние принципа сакральности жизни, которое открывает дорогу легализации убийства человека?

И здесь возникает проблема – **как понимать истину научного знания**: является ли она идентичной применительно к постижению явлений природы и сущности жизни человека? В системе Природы истина научного знания определяется постижением факта, причины и вытекающих из нее следствий, так что все события складываются в цепи причинно-следственных рядов. Однако в силу бесконечности причинно-следственных рядов естественно-научное знание не постигает **Первопричины**. В этом смысле оно не знает свободы. Свобода для него – это превращенная форма необходимости, «познанная необходимость». Истина гуманитарного знания вырастает из признания реальности Свободы. Оно постигает сущность субъекта как носителя свободы. Истина здесь – это выбор исходного принципа жизни, так что весь тип жизненного поведения человека выстраивается в соответствии с этим выбором.

Проблема истины выбора приобретает острое практическое значение, когда речь заходит о том, какого человека хочет видеть общество в качестве общего образца.

В этом контексте закономерно возникает вопрос об отношении гуманитарного знания к «евгенике» как науке, занимающейся по определению ее основоположника Ф. Гальтона изучением подлежащих общественному контролю влияний, которые могут улучшить или ухудшить как физические, так и умственные качества грядущих поколений. Иными словами, речь идет о возможности произведения высокодаровитой расы людей, подобно тому как можно получить породу лошадей или собак с нужными качествами. В статье Г.В. Хлебникова дается объективный анализ этой проблемы, воспроизводится фактическая сторона исследований, раскрывающих воздействие на карьерный успех человека свойств и качеств его предков. Особый интерес представляет анализ евгенического проекта применительно к народу как целому, реализованного в Спарте, в итоге которого была сформирована армия воинов, равных которым не было во всей Элладе и которые оставались непобедимыми в течение трех столетий, пока сохранялась верность законам Ликурга.

Человек – это и природное и неприродное существо, сочетание цепи причинно-следственных явлений и свободы – вечное не преодолимое противоречие. Это – первородный «грех» человека.

Как «снимается» этот грех, когда общество поставлено перед необходимостью выбора формы семьи? Это, прежде всего, правила сексуальной жизни, которые дают оптимальный с точки зрения интересов общества результат. Весьма показательными в этом отношении являются традиции Китая. В правилах прослеживается отчетливая тенденция нахождения соответствия между естественными устремлениями человека и общим социальным порядком, требующим их реализации лишь в определенных формах. Характер установленных правил определяется **хронотипом**. Хронотип – это категория культурологии, в которой выражается доминирующий тип ментальности в реальности данного цивилизационного времени. Так, в Китае женщина рассматривалась как **средство** удовлетворения сексуальных устремлений мужчины, укрепления его здоровья и продления жизни. Соответственно, многообразие сексуальных контактов мужчины всемерно приветствовалось и поощрялось. Это, однако, не означает, что такой подход является универсальным. Разве можно было бы в этом контексте интерпретировать целомудрие женщин, органически воспринявших христианскую ментальность?

Хронотип выражает доминирующее соотношение естественного и социального в сексуальных отношениях.

Нарушение равновесия между естественным и социальным всегда порождает специфический редукционизм со своими негативными последствиями. Так, признание «неистинности» природной сущности человека, ее «естественных» устремлений влекло за собой крайние реалистические выводы, формирование идеала духовной святости, императива ухода из мира, как глубоко греховного в своей сущности. Истина с этой точки зрения понималась лишь как духовное единение – все должны были стать духовными братьями и сестрами, не менее, но и не более того.

В своих радикальных формах реализация духовного измерения должна была повлечь за собой преодоление естественных влечений человека, подчинение их единой идее чистоты как святости, а вместе с тем в конечном счете «отмирание» естественного измерения семейной жизни. С другой стороны, деструкция идеала духовной святости как пути спасения естественности жизни и преодоления императива ухода из мира сего, которая стала закономерным следствием идей Просвещения, породила иной хронотип, иную крайность, влекущую за собой угрозу деструкции семьи. Если идеалы святости, сдерживающие устремление человека, ложны, то тогда

нужно свободно предаться естественным влечениям. Дон Жуан, например, свободно предается своим естественным влечениям, максимальным наслаждениям, отрицая любые правила семейной жизни, стремится к постоянной смене своих сексуальных партнеров. Постоянство стремления здесь означает невозможность создания прочной семьи. Конечные следствия свободного выражения влечений обнаружил маркиз де Сад. При свободной реализации таких естественных влечений семья может становиться формой рабства и насилия.

Специфическим явлением XX в. можно считать превращение хронотипа в форму идеологического диктата. Так, под воздействием евгенических идей получают широкое распространение специфическая практика стерилизации неполноценных, склонных к преступным формам поведения, психически нездоровых лиц, а также запрещение смешанных браков, особые иммиграционные ограничения, учитывающие этническое происхождение человека. Подобные методы применяются во многих штатах США, в некоторых странах Европы.

В Германии в силу возникновения идеологического диктата этот хронотип обретает характер императива создания нового спиритуального евгенического ордена, который должен инициировать, как отмечает Г.В. Хлебников, возникновение суперрасы и находиться в центре будущего мирового порядка.

Как же можно определить истину семейных отношений, удержания в единстве противоречия естественности ее отношений и социальных функций? Одним из факторов устойчивости цивилизации является утверждение в обществе такого хронотипа, который основывается на обнаруженном в историческом опыте относительном равновесии естественного и социального в стереотипах сексуальных отношений. С точки зрения сохранения устойчивости цивилизации как целого семья в ее естественном толковании должна обрести внутреннее духовное измерение, которое придавало бы естественным отношениям «второй смысл», диктуемый сущностью вечности истины неестественного мира.

Истина таким образом обретает свое двойное измерение, каждая сторона которого обретает реальность смысла от своей противоположности.

Через посредство этого двойного измерения жизнь семьи органически соединяется с жизнью общества как вечного цивилизационного единства рода, выходящего за узкие временные рамки настояще-

го, жизни здесь и теперь, соединяющего в гармоническое целое прошлое и будущее с настоящим. Это и есть основание той духовности, которая открывается в самой жизни и связывает все более прочными узами мужа и жену с течением времени их совместного проживания. Истина не навязывается, а открывается им, так что они несут эту истину в себе. Если истина не открывается, брак оказывается некоей духовной фальшью, пустотой, видимостью сохранения «свежести» и подлинности отношений, которых уже не существует.

Таким образом, цементирующее начало семьи имеет сложный характер, зависит от содержания хронотипа, выходящего за пределы межличностных отношений мужчины и женщины, хотя и вырастающих из них, из их любви. Сложность этого характера объясняет распространение **ауры** семейных отношений на детей, на близких и дальних родственников, а в конечном счете и на соотечественников. Это – выражение специфической взаимосвязи и взаимозависимости не только реальной, имеющей конкретное родственное, экономическое и политическое, эмпирическое проявление, но и **потенциальной**. То есть аура «отражает» и виртуальную реальность.

С этой точки зрения требует рассмотрения и традиционное толкование оснований прочности семейных отношений.

Представляется очевидным, что прочность семей основана на истине любви. Однако основания любви – это большая загадка, над которой философы, начиная с Платона, ломают голову.

Идея разъединения богами когда-то соединенных воедино людей, обладавших чрезмерной силой и с тех пор жаждущих воссоединиться, жива до сих пор. Это – хорошая метафора безотчетной любви, причины которой уходят в туманности бытия.

Стремления дать рациональное толкование любви дают амбивалентные результаты. Наряду с эросом, или любовью мужчины к женщине и женщины к мужчине, обнаруживаются и другие типы любви: любовь к **высшему существу** – особый тип любви; любовь к какому-либо занятию, в котором происходит **самореализация** личности; любовь как дружба, как форма отношения к **человеку вообще** как сакральной ценности, что означает любить не только ближнего своего, но и своего врага. Любовь как основание прочности семейной жизни – это любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине. Но как можно строить жизнь на чувстве, если даже оно самое светлое? Жизнь семьи должна базироваться на объективном расчете, учитывая необходиомость завоевания определенного

статуса в обществе, материальной обеспеченности, способности исполнения родительского долга перед детьми.

Противоречие между чувством и рассудком – постоянная проблема в формировании новой семьи и сохранении семейных отношений. Сочетание чувства и рассудка в «строительстве» семьи кажется истиной, достижение которой, однако, как правило, сопровождается жертвой чувства во имя рассудка либо движением по пути безрассудства во имя чувства. Это противоречие, коль скоро оно обретает всеобщий характер, становится угрожающим для сохранения подлинности семьи и семейных отношений.

С одной стороны, человек оказывается «пронизанным» сексом, вплоть до инцеста, нарушения всех запретов, и с другой – секс «отделяется» от семьи и семейных отношений, поскольку не находит в них подлинности самореализации. В этой ситуации возникает явление, отмеченное М. Фуко. На Западе появляется новая форма наслаждения, обогащающая человечество особым искусством наслаждения. Это – наслаждение **знанием о сексе** и связанными с ним дискурсами. И это знание о сексе оформляется как наука о сексе, как наука, конституирующаяся на ритуалах признания.

Другим важным моментом, отмеченным М. Фуко, является исчезновение в структуре властных отношений, связанных с сексом, двух фиксированных противоположных полюсов: обладающего властью (мужчины, взрослые) и лишенного власти (женщины, дети). Отношения власти превращаются в матрицы изменений семейных отношений. Что могут означать эти внутренние метаморфозы семьи? Существуют ли константы семьи, сохраняющие свой смысл в смене эпох? Если их не существует, то не может ли исчезнуть семья как пережиток прошлого?

Можно ли дать ответ на эти вопросы с позиций экономической эффективности или социологической доктрины? «Свободный» от семейных тягот индивид может экономически быть более эффективным, чем фанатик-семьянин. С другой стороны, если общество достаточно богато, чтобы содержать и воспитывать детей помимо родителей, то почему не смириться со свободой индивидов от семейных обязанностей? Ведь они могут посвятить всю свою жизнь карьере, а значит, более эффективному служению обществу. Не настало ли время вернуться к идеям Кампанеллы? На самом деле, с точки зрения социологии «больших цифр» распад той или иной конкретной семьи может рассматриваться как стандартный

момент «общего прогрессивного процесса». Между тем с позиций конкретных индивидов – участников этого процесса и детей это может быть уникальной по своему моральному смыслу трагедией.

Это значит, что трагическая стадия человеческой эволюции может возникать не только в силу энергетического или экологического коллапса, но и в силу духовных, нравственных причин. Как представляется, проблема «природы» семьи и ее «констант» не может быть правильно поставлена и понята вне контекста духовного превращения человека, перехода из «естественного» в «сверхъестественное» состояние. Она выходит за рамки экономического и социологического анализа, требуя «дополнительного», а именно – **культурологического** анализа.

Культурологический анализ позволяет давать адекватную оценку поведения человека в системе семейных отношений с позиций императивов цивилизационной Истины.

В контексте цивилизационной реальности происходит «превращение» семьи как системы биологических отношений и связей в качественно новую структуру, содержащую в себе и сохраняющую духовную реальность, образующую основные параметры человека как личности.

Формы экономического, социального поведения человека в этом контексте оцениваются и увязываются с Императивом Истины, которая опирается на две категории: категорию **гармонии** и категорию **абсолютного**.

Как категория, гармония – это общее, более того – универсальное качество истины семейных отношений. Вместе с тем гармония, поскольку она имеет отношение к двум индивидуальностям, является феноменом уникальным, истинным применительно кенным индивидуальностям. Соответственно уникальной является и ценность раз найденной гармонии, утрата которой может оказаться трагически невосполнимой. Очевидно, что поведение индивидов, направленное на удержание гармонии, определяется присущим им уровнем культуры самосознания, способностью воспринимать как абсолютную ценность найденную гармонию семейной жизни. Свобода выбора здесь совпадает с императивом, диктатором цивилизационной истины. Во имя императива истины возможны и допустимы жертвы, в том числе статусные и экономические, хотя они и нежелательны.

Практическая энергия, направленная на формирование превосходства экономического положения, политических и идеологических отношений, если она разрушает гармонию семейных отношений, оказывается неистинной с цивилизационной точки зрения. Исторически возникающий приоритет власти государства над семьей, подчинение всей системы семейных отношений интересам государства в конечном счете оказывают деструктивное влияние на цивилизационную эволюцию, негативные последствия которого испытывает современное общество.

Категория абсолютного в системе семейных отношений относится к непосредственному переживанию как знанию того, что ценности жизни **заключены в другом**. Таким образом, в системе семейных отношений истина связана с непосредственным знанием абсолютного.

На знании абсолютного основано истинное поведение, которое делает возможным самопожертвование ради другого. Оно воспринимается не как нежелательная жертва или навязанная силой обязанность, а как самореализация в другом. Как оказывается, без расшифровки метафизики семьи невозможно найти рациональные объяснения и «молекулярных» цивилизационных связей. Истинное отношение к другому в семье – это исходное отношение, которое в своей сущности идентично отношению цивилизационному. На самом деле, цивилизационное отношение формируется исторически как способность самопожертвования ради другого, масса которого составляет цивилизационное целое. Таким образом, сохранение семьи и сохранение цивилизации оказываются в состоянии взаимосвязи и взаимозависимости, хотя это и не представляется лежащим на поверхности отношением.

С этой точки зрения представляет интерес данный Мишелем Фуко анализ истории воздействия знания истины на страсти души, того, как с истиной и знанием связано отношение к сексу. Предметом для философских размышлений половой акт оказывается в силу того, что он является точкой пересечения жизни отдельного индивида, которому предназначено умереть, и бессмертия человеческого рода.

Фуко рассматривает процесс смещения акцентов в оценке истинности сексуальных отношений от традиций, сложившихся в классической Греции, к постепенному нарастанию необходимой строгости поведения, важности уважения к себе как разумному существу, благодаря которому человек конституирует себя как субъекта своих действий. Способность человека управлять самим

собой, чтобы следовать истине семейных и цивилизационных отношений, не дана от природы. Она формируется исторически. Для женщины, например, положение хозяйки дома обретает свой физический коррелят – красоту. Эта точка зрения Ксенофона свидетельствует о видении слияния естественного и цивилизационного в семье. Об этом говорит и рассмотрение правил практики ухаживания. Фуко раскрывает связь так называемой «греческой любви» с практикой воспитания и образования.

Цивилизационные аспекты гармонии и восприятия абсолютного в семейных отношениях оказываются оттесненными в тень в ментальности «общества потребления». Критика «общества потребления» с цивилизационной точки зрения не означает отрицания необходимости **прогресса** потребления. Прогресс потребления и прогресс производства необходимым образом связаны друг с другом, и этот прогресс должен оказывать позитивное воздействие на эволюцию семьи. Тогда откуда же вырастает угроза для семейных отношений? Она возникает **из кардинального сдвига в приоритетах ценностей**.

Стихийная эволюция потребительского общества формирует свой логос цивилизации, который определяет отношение человека к окружающему его миру, в том числе и другому человеку как к средству и только как к средству получения финансово-экономической, статусной, карьерной, жилищной, сексуальной или любой другой выгоды. В силу неизбежной ситуационной динамики представление о выгоде не может быть постоянным, оно изменяется и требует изменения направленности поведения, с тем чтобы не упустить потенциальную выгоду. Этот тип поведения, истинный с точки зрения логоса «общества потребления», означает занесение категорий гармонии и абсолютного в разряд «неадекватных» требованиям жизни.

С этой точки зрения представляют большой интерес эмпирические факты проявлений гендерной идеологии, гендерного неравенства и гендерной идентичности в современных условиях.

Сегодня общество оказывается перед многообразием нравственных проблем внебрачных союзов, совместимости расширения профессиональной деятельности женщин с их статусом матери, проблемой отношения к однополым бракам, изменению пола, эвтаназии, «суррогатному материнству», экстракорпоральному оплодотворению, клонированию человеческих существ.

Казалось, сам прогресс разума и науки выделяет эти проблемы и находит технические средства решения. Но при этом с обществом происходит нечто непредсказуемое; оно не может гармонизировать человеческие отношения, найти механизмы подготовки человека к новым парадоксальным реалиям жизни. Вследствие секуляризации общественного сознания и неприятия церковных позиций предлагаются самые примитивные рецепты решения возникающих проблем. С одной стороны, осуществляются изменения в системе воспитания, подготовки молодежи к взрослой жизни как обучению безопасному сексу, а с другой – осуществляется разработка все более сложного и всесторонне развитого законодательства, обеспечивающего правовые аспекты составления брачных контрактов, учитывающих фатальную нестабильность семейных отношений, их зависимость от всего многообразия объективных и субъективных факторов, влияющих на позиции партнеров.

Оправданием возникающего цивилизационного хаоса в семейных отношениях может служить объявление семьи фикцией, поддерживаемой государством, иллюзией, артефактом (Пьер Бурдье). Вместе с тем становится все более очевидным, что точка зрения, согласно которой центральным звеном вхождения во взрослую жизнь является обучение безопасному сексу, оказывается профанной в культурологическом контексте. Это обучение мастерству случайных сексуальных сочетаний, что означает подведение психологической бомбы замедленного действия под семейные отношения. Прочность семейных отношений основывается на верности членов семьи основополагающим ценностям. Это – реальная предпосылка сохранения верности роду, в котором реальности прошлого и будущего соединены в гармонии настоящего.

Этой истине виртуальной реальности обычно противопоставляется эмпирическая реальность сексуальных отношений, в которых партнеры постоянно обманывают и предают друг друга, сохраняя при этом видимость верности и вечной любви.

Однако в цивилизационном контексте эмпирическая реальность сама по себе далеко не всегда совпадает с истиной, так же как реальность звуков большого города есть шум, но не мелодия музыкального шедевра.

Правомерна аналогия гармонии человеческого рода с музыкальной гармонией. В музыкальном произведении все его части специфическим образом переплетаются друг с другом, так что на-

чало потенциально несет в себе идеи финала, а финал является суммарным итогом всего произведения. Соответственно центральная часть как апогей произведения несет в себе и прошлое, и его будущее в органическом единстве.

Если следовать этой аналогии, то становится понятной ошибочность сведения семейной жизни к мастерству случайных сексуальных сочетаний. Вместе с тем представляется не случайным кардинальный сдвиг в музыкальных формах, разрушающих гармонию, на которой основывались классические традиции в музыке. Деструкция гармонии в семейных отношениях и в цивилизационных отношениях находит свое выражение и в музыкальных формах. Общее здесь в изменении фундаментального отношения к цивилизационному времени как единству его трех измерений.

Мастерство случайных сексуальных сочетаний («безопасный секс») несет в себе понимание жизни как времени следующих друг за другом моментов, образующих дискретные моменты жизни, не имеющие между собой внутренней связи. Это и есть механическое понимание времени.

Цивилизационное понимание времени основано на представлении о длительности как проявлении констант реальности, которая может меняться, при этом сохраняя и обогащая свою внутреннюю сущность. Через цивилизационное понимание времени происходит соприкосновение с реальностью вечности, которая находит различные формы своего символического эмпирического выражения. С этой позиции происходит и восприятие личности в контексте семейной гармонии. Личность оказывается символом вечности и единственности гармонической связи с другой личностью, связи, которая не исчерпывается эмпирической реальностью повседневных отношений. Через эту связь личность обретает в другом статус своей абсолютной ценности.

Абсолютная ценность личности воспринимается как эмпирическая реальность истины определенного индивида, выявление своей подлинной сущности через другого. В этом смысле забота о другом есть вместе с тем забота о себе.

В этом индивидуальном постижении истины выражается универсальная истина, которая объективируется для всех в произведении искусства. Характерно, что подлинные произведения искусства несут в себе вечный смысл, который по-новому воспринимается в разные исторические эпохи, в разных обстоятельствах места и вре-

мени. С точки зрения вечного смысла «мастерство» безопасного секса не может стать предметом подлинного искусства, поскольку в этом «мастерстве» происходит практическое отрицание личности как носителя вечных ценностей, в этом смысле как цели в себе. Личности становятся лишь **средством** друг для друга, используются точно так же, как средства производства и потребления, и перестают быть личностями. Они обретают различные личины как видимость личности. Личина – это эмпирическая реальность, подверженная постоянным переменам, видимость личности. За этой видимостью отсутствует духовная сущность личности как момент истины цивилизационного целого. В силу этого личина, как ей кажется, всегда следует своей выгоде, но поскольку она не находит своей самореализации в другом, она превращает собственную реальность в дым, который растворяется в цивилизационной атмосфере, как только личина прекращает свое физическое существование.

Личность в отличие от личины следует императиву подлинности и формирует истину семьи. Семья формирует истину личности. Оба эти явления цивилизационной жизни органически слиты друг с другом через знание абсолютного.

Эрозия современной семьи делает понятной и исчезновение личности, ее превращение в личину. Здесь лежит ответ на многие вопросы, связанные с злоключениями современной семейной и цивилизационной жизни. Несмотря на различия социально-экономического и культурного положения стран и регионов, семья повсюду сталкивается с идентичными цивилизационными проблемами.

Редакция ежегодника рассчитывает на то, что публикуемые в нем материалы позволят обратить внимание на эти проблемы семьи и некоторые весьма сложные и во многом все еще неясные ее аспекты.